

Ольга Малышева

«Нет нужды перечёркивать все историографические достижения прошлого»

Olga Malysheva (Moscow City Pedagogical University, Russia)

«There is no need to cross all the historiographical achievements of the past»

DOI

Статья о 100-летию Великой российской революции 1917 г. признанного её исследователя В.П. Булдакова стала своего рода подведением итогов прошедшего юбилейного года. Автор со свойственной ему обстоятельностью провёл научный анализ выводов многочисленных публикаций по остающейся дискуссионной в отечественной историографии проблеме. О глубине её проработки свидетельствует блестяще проведённый Булдаковым анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей истории России начала XX в. Это, несомненно, позволит расширить представления учёных о новых оценках и подходах, присущих их коллегам по цеху. Не менее важно и то, что в статье сформулированы авторские предложения в части «нового понимания “непредсказуемого” прошлого».

Историк вынес на суд читателей массу вопросов, касающихся российской революции 1917 г. Одна их часть носит новаторский характер, другая звучит как аргументированная позиция учёного, за плечами которого десятилетия плодотворных исследований по истории страны в начале XX в., а третья вызывает вопросы и даже возражения.

Итак, отдавая должное научным заслугам Булдакова и признавая приоритетной его позицию по многим заявленным сюжетам, рассмотрим отдельные тезисы его статьи. Мнение автора о том, что революция 1917 г. «остаётся проблемой *всей* русской истории», вряд ли кто-то оспорит. Безоговорочно соглашусь и с его утверждением более чем 20-летней давности о том, что «революция не просто велика, она многомерна», равно как и с тем, что на неё как явление системного порядка «нельзя смотреть с одной стороны (так же, как с двух, трёх и более). Его предстоит высветить со *всех* сторон, чтобы получить своего рода голографическое изображение “живого” исторического явления».

Вместе с тем невольно задаёшься вопросом: почему у признанного мэтра истории российской революции начала XX столетия несколько предвзятое отношение к её политической составляющей? Не слишком ли категоричны следующие его утверждения: «политическую историю можно сделать более осмысленной» (и с этим не поспоришь); «само понятие политического на фоне событий 1917 г. смотрится не совсем уместно»; «сочинением именно *политической* истории революции занимались более 100 лет, однако ничего не сложилось ни у левых, ни у правых»; «политическую историю революции в том виде, в котором она существует более ста лет, так или иначе придётся сдать в утиль».

Однако нельзя забывать об исследованиях А.Я. Авреха, К.В. Гусева, В.С. Дякина, Б.В. Леванова, В.И. Старцева, Е.Д. Черменского, В.В. Шелохая и других, более чем достойных наших учителей — советских и российских учёных. Именно они стояли у истоков изучения отличавшейся от официальной политической истории 1917 г. (в том числе и непролетарских партий). Позвольте не согласиться с утверждением Булдакова, что это было «сочинение политической истории». Напомню, что историография — длительный, многотрудный,

сопровождающийся как открытиями, так и определёнными разочарованиями процесс. И в ходе изучения революции 1917 г., её причин, истоков, движущих сил и действующих лиц шло накопление знаний, без которых трудно было бы сегодня осмыслить эту важную проблему. Думаю, что отчасти это признаёт и сам автор, утверждая: «Нет нужды перечёркивать все историографические достижения прошлого, сколь бы сомнительными они не казались».

Булдаков призывает «взглянуть на уже известный материал под иным углом зрения». И здесь он абсолютно прав, напоминая, что «бесполезно заниматься *только* политической историей». Осмыслить глубину и масштаб событий, происходивших в России в 1917 г., можно только поняв их экономическую, политическую, внешнеполитическую, социальную, социокультурную и антропологическую составляющие. В этой связи прав, видимо, критикуемый автором А.Н. Медушевский, утверждавший, что «политическая история русской революции ещё не написана».

Однако картина не станет до конца понятной, пока не сложатся более или менее чёткие представления о региональной составляющей событий 1917 г. Как справедливо отмечает Булдаков, «к сожалению, “провинциальной”, особенно “уездной” революции в современной России уделяется недостаточно внимания». Поэтому для историков, изучающих этот «особый уровень развития революции» начала XX столетия, открываются самые широкие перспективы.

Что касается российских политических партий того периода, их роли в событиях 1917 г., действительно, они находились только в стадии становления. Однако более чем категоричное утверждение Булдакова, что «многопартийность оказалась мертворождённой в силу её политических, умозрительно-доктринальных изъянов», представляется не вполне доказательным.

Как, к примеру, объяснить следующее обстоятельство: только в выборах в I Государственную думу, согласно отчётам губернаторов, поступившим в комиссию под председательством гр. В.А. Дмитриева-Мамонова (в известном смысле она стала прообразом общероссийской избирательной комиссии), участвовали свыше 140 политических партий, групп, объединений, союзов, клубов и кружков избирателей¹? Материалы и выводы комиссии «Об агитационной деятельности политических партий, союзов и внепартийных комитетов по выборам народных представителей в Государственную думу» отличались высокой степенью достоверности. Вскоре это подтвердилось и политической направленностью I Думы, и составом её депутатского корпуса². Помимо общеизвестных партий (октябристов, кадетов, Союза русского народа, Партии правового порядка, Торгово-промышленной и др.) в выборах участвовали объединения и партии, сформированные по религиозному, национальному, территориальному, профессиональному и сословному принципам. Несомненно, это были только первые попытки общества, жившего десятилетия «с кляпом во рту», озвучить свои ожидания перемен, тем не менее «отмахиваться» от них не стоит.

Конечно, отрицать наличие в России начала XX в. многопартийности нельзя, но и говорить о ней в качестве состоявшегося явления было бы сильным преувеличением. Поэтому прав В.В. Шелохаев — ведущий на сегодняшний

¹ См.: ОР РНБ, ф. 1072, т. 15, л. 6 об., 50, 99, 105.

² Подробнее см.: *Костылев А.В.* Материалы фонда В.А. Дмитриева-Мамонова как источник по изучению выборов в I Государственную думу // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 112—117.

день специалист по истории российских политических партий, заявивший, что работа по изучению их деятельности должна быть продолжена³.

На данный момент не представлена вся политическая палитра российского общества в период думской монархии, хотя усилиями учёных в издательстве «Политическая энциклопедия» опубликовано документальное наследие большинства партий, действовавших в то время в стране. Всё это открывает огромные возможности для исследователей.

На мой взгляд, особого внимания заслуживает деятельность региональных отделений партий, особенно в периоды их политической активности — выборов в Государственную думу. Например, С.Ф. Шарапов, русский дворянин, монархист по убеждениям (и, по собственному признанию, журналист с 30-летним стажем) так описал Смоленск, куда прибыл для избрания в губернском собрании депутатов III Государственной думы: «В городе совершенно тихо и спокойно. Никакой агитации нет и следа, ничего праздничного, приподнятого. Даже единственный жидовский и радикальный орган исторического Смоленска “Смоленский вестник” пачкает бумагу по обыкновению удручённый провалом левых и по-своему бойкотирует Думу. Ни собраний, ни воззваний — ничего. Гг. победоносные октябристы не сочли нужным даже на эти дни выборов возобновить свою угасшую от безденежья, безобъявления и безталанности “Смоленскую газету”. Хоть бы несколько номеров выпустили! Словом, мертвечина полная»⁴. Безусловно, по отдельному воспоминанию лишь одного очевидца событий нельзя судить о политической активности на местах, однако необходимо не только задуматься о сложившихся там политических настроениях, но и проследить степень их вызревания в предреволюционный период.

Булдаков довольно недвусмысленно спрашивает, в какой период произошло «тяготение к партиям» историков, и сам же предлагает вариант ответа: когда ностальгическое отношение «к “потерянной” для России демократии сменилось некрофильской тоской по былой многопартийности». Думается, что это высказывание, как минимум, нуждается в комментариях.

Достаточно спорным представляется такое утверждение автора: «Российские партии отражали (или предвосхищали) процесс развала империи, а не консолидацию общественных сил, и уж тем более, не начало формирования гражданского общества». Отчего же? Ведь в начале ушедшего столетия наша страна всё-таки делала первые шаги по пути создания гражданского общества. В значительной степени это было связано с теми изменениями в государственно-политической системе России, которые стали следствием Первой российской революции 1905—1907 гг. Именно тогда, после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» произошли изменения в отношениях между властью и обществом, были сделаны шаги в направлении превращения абсолютной монархии в конституционную, а общество через выборных представителей допустили к участию в законодательной деятельности. Конечно, в непродолжительный период думской монархии (апрель 1906 — февраль 1917 гг.) представительство народа носило, скорее, иллюзорный характер, а обещанные политические права (свободы слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенности личности) не были закрепле-

³ Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 41.

⁴ Шарапов С.Ф. «Матрикулированные» октябристы, или Как я не попал в Государственную думу. М., 1908. С. 8.

ны законодательно. Однако нельзя не признать, что манифест предопределил движение России по тернистому пути формирования гражданского общества, стоившего Западной Европе нескольких веков нелёгкой истории. И хотя процесс этот остался незаконченным, не увидеть отдельные ростки этого явления на завершающем этапе существования Российской империи было бы несправедливо.

Замечу, что основные обещания, данные в манифесте, можно было «подправить» в антидемократическом духе, что власть неоднократно и пыталась сделать, но отменить их не представлялось возможным. Тогда неотъемлемой частью политической жизни страны стала деятельность партий различной направленности, которые настойчиво боролись как за голоса избирателей, так и за возможность реализовать свои программные установки через Государственную думу. Не приходится говорить о том, что в России сложилась реальная многопартийность, тем более что в регионах работа партий замирала от одних парламентских выборов до других, печать даже достаточно крупных партий (особенно октябристов) испытывала постоянные финансовые трудности и т.д. Но при этом опыт партийного строительства, хотя и с большим трудом, но формировался. И здесь следует отдать должное многолетним усилиям Шелохаева⁵ в части изучения деятельности либеральных партий того периода.

Процесс формирования зачатков гражданского общества в России сопровождался объективными трудностями: отсутствием демократических традиций в обществе; половинчатым характером реформ, проводившихся в сфере власти и управления; перманентным конфликтом между исполнительной и законодательной властью, который, дестабилизируя внутреннюю ситуацию, привёл к трагической развязке в феврале 1917 г. и т.д. Кроме того, существенно повлияла на данный процесс и позиция императора Николая II. Принятие им курса на проведение политических реформ в стране произошло не в результате его внутренних убеждений, а стало вынужденным шагом — в поисках компромисса с обществом. Это определило особое отношение царя к народному представительству — как к «нелюбимому дитя».

С большим недоверием он относился и к политическим партиям, даже либерального направления, программной целью которых было установление конституционной монархии в России. Непонимание её последним императором объективной необходимости трансформации системы государственного управления на основах привлечения к нему представителей общества, а также незнание законов функционирования политической системы имели самые печальные последствия.

Последняя возможность реального участия общества в разрешении важнейших вопросов государственной жизни связана, как ни странно, с периодом Первой мировой войны. Именно тогда, в условиях нараставшей недееспособности власти, оформились и активно действовали общественные организации, объединившие различные социальные слои. К примеру, Земский и Городской союзы, созданные по инициативе общественности, решали важнейшие в условиях войны задачи: организация снабжения армии, оказание помощи раненым, беженцам, участие в работе Особых совещаний, проводившихся правительством по вопросам обеспечения продовольствием, топливом и т.д. Чем обширней была практическая деятельность союзов, тем чаще и острее становились их

⁵ См.: *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

столкновения с бюрократией. И это при том, что в отличие от политических партий союзы (в них были представлены все слои населения страны) имели определённую поддержку в обществе, разветвлённую сеть на периферии, а также вели практическую работу, нивелировавшую партийную принадлежность своих деятелей. Но так сложилось, что эти первые ростки гражданского общества были погребены под обломками рухнувшей в 1917 г. Российской империи.

Обратимся к ещё одному, принципиальному, на мой взгляд, высказыванию Булдакова: «Сегодня мало кто хочет верить, что политические партии России отлетели, как пустая шелуха, от реалий революции уже к лету 1917 г. И не стоит кивать на выборы в Учредительное собрание». Это почему же? Обратимся к фактам. Идея скорого созыва Учредительного собрания, которое, как казалось, было бы спасением и выходом из революционного буруна 1917 г., овладела значительными слоями общества, отодвинув на второй план все возможные альтернативы. Весна того года стала временем триумфа данной идеи. Призывы «Да здравствует Учредительное собрание!» и «Вся власть Учредительному собранию!» звучали как заклинания, были непременным атрибутом митингов и газетных статей. По словам левого социалиста Н.Н. Суханова, «все, кому было до революции столько же дела, сколько до прошлогодного снега... все рассыпались в своей любви к свободе, в преданности Учредительному собранию»⁶. И даже видные представители политических партий, в программах которых не предполагался созыв Учредительного собрания, не скрывали к нему своей симпатии.

В стране наблюдался резкий всплеск общественной активности, что проявилось в росте числа партий, групп, союзов и объединений, заявлявших о намерении идти на выборы в Учредительное собрание. Именно оно виделось тогда большинству россиян единственным возможным способом решения вопроса о власти. Убедительное тому подтверждение — участие в выборах 59 такого рода образований, 18 из которых провели своих депутатов в Учредительное собрание⁷. И всё это произошло уже после прихода к власти большевиков и сопровождалось их грубым вмешательством в избирательный процесс. Какая же это «пустая шелуха»?

Приведу лишь некоторые данные. В общий список кандидатов в Учредительное собрание от Москвы и Московской губ. вошли 104 человека, которые сгруппировались в 10 списков представителей партий, объединений и избирательных групп. Самыми многочисленными были списки партий⁸: Народной свободы — 13 человек, в том числе видные общественные деятели П.Д. Долгоруков, Ф.А. Головин, Д.М. Щепкин, В.Ф. Кокошкин, А.А. Мануйлов; Социалистов-революционеров (14 человек); Российской социал-демократической рабочей (объединённой) — в её составе (14) находились Ю.О. Цедербаум (Мартов) и Н.Ф. Загорский; Российской социал-демократической рабочей интернационалистов (большевиков), среди 14 членов которой были председатель Московского совета рабочих депутатов В.П. Ногин и председатель Московского губернского совета рабочих депутатов Н.П. Мещеряков.

Также внушительными оказались списки Трудовой народно-социалистической партии (11 человек, в основном врачи, инженеры, деятели коопера-

⁶ Представительная власть в России: история и современность. М., 2004. С. 353.

⁷ См.: Выборы во всём мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / Сост. А.А. Танин-Львов. М., 2001. С. 310—311.

⁸ Названия партий и объединений приводятся так, как они были заявлены в общем списке кандидатов.

ции), Всероссийского крестьянского союза (девять представителей крестьян Московской губ.), Демократической беспартийной группы членов районных комитетов Сергиева Посада (девять человек) и Группы земских деятелей (среди 10 её членов были С.П. Бахрушин, М.М. Щепкин, А.С. Барков и кн. А.В. Голицын). Особенность московских выборов — появление отдельного списка старообрядцев всех согласий (семь человек) и малочисленной Группы общественных деятелей (три представителя, в том числе бывший начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев)⁹.

Детализация списка кандидатов в Учредительное собрание по Москве позволяет, на мой взгляд, отчасти согласиться с мнением Булдакова, написавшего «о социальных ожиданиях» избирателей. Но одновременно можно указать и на их политические симпатии, поскольку в списках местных кандидатов было много видных представителей различных партий (в том числе и не представленных в советских государственных органах), за которых голосовали москвичи и жители Московской губ. Вообще результаты выборов и в Учредительное собрание, и на местах по-прежнему остаются для исследователей объектом серьёзного изучения и анализа.

Булдаков, проделав чрезвычайно важную работу по обобщению итогов научного обсуждения юбилея российской революции 1917 г., одновременно обозначил наиболее перспективные направления дальнейших исследований этой проблемы. К ним, бесспорно, относится продолжение историографических изысканий самого широкого спектра (экономика, социальная сфера, управление как в период Первой мировой войны, так и в предреволюционный; отношения власть—общество, позиции представителей правящей элиты в канун 1917 г. и др.). Безоговорочно соглашусь с автором и в той части, где он пишет о необходимости изучения повседневности событий 1917 г., а также источников личного происхождения, в том числе с позиции культурно-антропологического подхода.

В конце статьи автор спрашивает, какой предстанет революция в 2027 г.: «чёрным годом» русской истории или чем-то иным? Невольно возникает встречный вопрос: возможно ли за 10 лет справиться с исследовательскими задачами, которые за прошедшее столетие не решили ни наши предшественники, ни мы? Остаётся уповать только на то, что историография (с нами, без нас или с теми, кто придут после) — это процесс...

⁹ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 28, д. 146, л. 35.